

СТУДІЇ З ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ

УДК 82–1(470)

Черников И.Н.,
кандидат филологических наук,
Каменец-Подольский национальный университет

“МИФОТВОРЧЕСКИЕ” ОСНОВЫ РУССКОЙ ИСТОРИКО-СИМВОЛИСТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

Интерес науки к мифологическим проекциям, “мифотворческой” основе художественных произведений велик. Доказательством тому служат работы З.Г. Минц [20], А.Л. Григорьева [9, 199–215], Д.Е. Максимова [17, 240–349], М. Элиаде [26], Е.М. Мелетинского [18], А.Ф. Лосева [14], В.Н. Топорова [24], С.П. Ильёва [13], Г.В. Петровой [21] и др.

Особый интерес представляет проблема “мифоцентристских” особенностей русских историко-символистских романов и пьес. Цель статьи – очертить комплекс проблем этих жанровых образований, связанных с соотношением мифов (или их заменителей) и литературной основы. Новизна исследования заключается в подходе к русской символистской исторической беллетристике как к “новой мифологии”, “современным мифам”.

Разновидность художественного мифологического мышления, поэтика мифологизирования была создана русскими символистами на рубеже веков, “на границе двух периодов развития человечества” [3, 242], когда наступило новое катастрофически-эсхатологическое время.

Мифологизм русского историко-символистского романа – порождение разочарования в позитивистском рационализме и эволюционизме, идее социального прогресса, следствие страха перед ужасом истории, сложившегося недоверия к ней. Символистский мифологизм опирался и на неприятие натуралистической прозы и на предчувствие революционной ломки казавшегося таким прочным, а оказавшегося в кризисе мире. В эпоху катастроф русских символистов привлекают глобальные ценности. Так они обращаются к мифологическим образам, намереваясь сопоставить человека своего времени с его противоречивым духовным миром, с “изначальной” его природой, отметить потаённые связи культур различных времен и областей земного шара, показать сложность своей эпохи и заглянуть в будущее. По отношению к мифам “неомифологические” исторические романы и пьесы представляют собой “метатексты”, “метасистемы”, то есть мир в них предстает как слово, как “создание знаков”, книга становится в них символом мира.

Русская литература конца XIX – начала XX века – мифогенная эпоха, время безусловного доминирования в ней мифологической тенденции. Общественные катаклизмы начала XX столетия способствовали выработке у русских символистов

убеждения в том, что культурный слой чрезвычайно тонок. Он лишь прикрывает извечные разрушительные или созидательные силы, связанные с природой человека, психологическими и метафизическими началами. Русский символизм стремился выйти за социально-исторические и пространственно-временные ограничения для того, чтобы вскрыть эти начала.

Разнообразное социально-философское содержание историко-символистской беллетристики воплощается посредством мифологических сюжетов: “Модернистский мифологизм во многом порожден осознание кризиса <...> культуры как кризиса цивилизации в целом. Он питался и романтическим бунтом против буржуазной ‘прозы’, и страхом перед историческим будущим, отчасти и перед революционной ломкой устоявшегося, хотя и испытывающего кризисное состояние мира. Стремление выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления ‘общечеловеческого’ содержания (‘вечные’ разрушительные или созидательные силы, вытекающие из природы человека, из общечеловеческих, психологических и метафизических начал) было одним из моментов перехода от реализма 19 в. к искусству 20 в., а мифология в силу своей исконной символичности оказалась удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса” [16, 62].

Авторы историко-символистских романов и пьес – не только выдающиеся обобщители духовного наследия прошлого, они – творцы многих крупных философских, культурно-исторических идей, специфического мифологического живописания. Их время – момент мощнейшего слома в развитии литературы, когда творчеством Бунина, Л. Толстого, Блока оборвалась в поэтике связи времен миссия художника, дворянского хроникера, исследователя жизни семейства, выразителя, по словам Пушкина, “своей родословной”, “истории, переданной домашним образом” – и вступило в свои права назначение писателя как “секретаря человечества”. Человек же в этой единой связи предстает как мысль, впитывающая и несущая далее, душа, вмещающая прошлое и дополняющая общий объем всечеловеческого поиска своей неповторимой судьбой.

Искусству символисты отводили ведущую роль в пересоздании действительности – роль создания “вселенского духовного организма”: “Искусство должно воплотить абсолютный идеал, <...> в самом деле <...> должно одухотворить, пресуществить действительную жизнь” [23, 574]. Символистская утопическая мистерия жизнестроительства предполагает особое место в ней искусства.

Символисты полагали, что понятия “миф” и “символ” тесно связаны: миф – нечто производное от символа, символ – его сущность, центр. Ещё Прокл, философ-неоплатоник V в., писал: “Мифы показывают события через символы” [цит. по: 30, 10]. В символистской исторической беллетристике реальность в процессе символизации, представляющая как цепь эмблем, стремится к символизму, попутно создавая мифы, обращаясь в основном к бессознательному читателя. С мифом осуществляется обратный процесс: ряд эмблем уводит нас к символу,

при этом символ озаряет все части произведения как элементы мифологической структуры незримым светом.

Под влиянием философии всеединства Вл. Соловьева символисты рассматривали образ как сосредоточение абсолютного в единичном: “<...> для того, чтобы уловить и навеки идеально закрепить единичное явление, необходимо сосредоточить на нем все силы души и тем самым почувствовать сосредоточенные в нем силы бытия; нужно признать его безусловную ценность, увидеть в нем не что-нибудь, а фокус всего, единственный источник абсолютного <...>” [22, т. 6, 243].

Символ, по мысли его творцов, в частности Вяч. Иванова, призван был кодировать неисчислимы “соответствия” другим явлениям и образам, быть реальным поэтическим единством многопланового и “многоликого”. Кроме того, он мог быть и мифологемой, которая в сжатом виде хранила концепцию цельного сюжета. Один из основополагающих художественных принципов символизма – “суггестивность” – стремление к созданию образов, “изрекающих на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову” [12, 39].

Символисты не были первооткрывателями метафорического и метонимического символов, в основе их концепции – идеи Платона о связи символа и мифа: “<...> натуралистические образы в книгах моих выглядят, как символы; и обратно: символы мои ищут себе натуралистические подкладки <...> мне нечего сочинять символизм, когда у меня многолетний опыт игры и ряд упражнений в символизации. Она – индукция из жизненных фактов <...> древо символистской жизни” [2, 229].

Бесчисленность значений символа обуславливает соотношение символа и мифа в теориях символистов: символ – частичка мифа, но это не только прошлое состояние мифа, но и его будущее: “К символу <...> миф относится, как дуб к желудю <...> символ – мучительно необходимая ступень к светлому всеобщему мифу” [11, 42].

По мнению авторитетного исследователя русской символистской прозы С.П. Ильёва, в системе мифологизирующей историко-символистской беллетристики “фундаментальное место принадлежит категории символа и диалектически связанной с нею категории мифа”. Эта взаимосвязь проявляется на уровне композиции, образной структуры: “Символ – ядро мифа <...> символистский роман есть миф”. Русский историко-символистский роман – это роман-миф, создаваемый как литературное произведение фантазией писателя, это действительность, пересотворенная в миф: “В русском символистском романе <...> только в процессе развертывания символистского ряда реализуется миф, но символизм осуществляется только в русле мифа. Такая динамическая зависимость символа и мифа, будучи основой всякой композиции, объясняет и каждый ее уровень как символично-поэтический, интегрируемый в жанровую форму по закону гармонии” [13, 5, 6–7].

Мир в сознании русских символистов предстает неким “универсальным текстом”, “космогоническим мифом”, в терминологии Вяч. Иванова: “Миф есть <...> наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. <...> наиболее яркая и самая подлинная действительность <...>. Миф – <...> трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни <...>. Это – подлинная и максимально конкретная реальность” [15, 24]. В основе мифологизма русского символизма лежит особое понимание жизни в философии Вл. Соловьева, где ее основой становится мифопоэтическая структура.

Мифотворчество символистов – не столько интеллектуальная игра писателей, сколько “вышивание” по канве традиционных мифологических сюжетов, иногда создание нового мифа: “Метаісторія має відношення не так до універсальних схем історії <...>, як до постійних трансформацій історичного змісту в символічній і мифологічній” [8, 59]. Основной признак историко-символистской прозы – мифологизм, её тяга к “древнему воспоминанию”, “памяти стихийной” [4, т. 6, 109, 114], язык мифа. Прозаики символистского толка воплотили в своём творчестве “неомифологизм”, реализовали интерес к мифотворчеству.

Символистское мифомышление конца XIX – начала XX века представлено двумя модификациями. Первую связывают с Андреем Белым, выразителем эсхатологических настроений. Вторую – с Вяч. Ивановым, который исповедовал вечное возвращение всего ценного в прошлом. Мифомышление – ядро русского символизма. Мифомышление вбирает в себя и религию, “специфическую мифологию”, “вид мифа” [15, 124]. Мифопоэтическое мышление символистов ориентируется не на антропоцентристскую, а на космоцентристскую картину мира и обнаружение архетипических структур как в плане бытия, так и на уровне сознания. Среди элементов художественного восприятия мира и способов его моделирования важное место у символистов занимает принцип концептуальной орнаментальности.

Подобный мифологизм, “символистский историзм”, по словам З.Г. Минц, пришел на смену традиционному реалистическому историческому роману XIX века, который отражал действительность вполне правдоподобно и допускал лишь имплицитные элементы мифологизма. В русских историко-символистских романах и пьесах сплавляются воедино, взаимопроникая друг в друга и доходя до органического синтеза, элементы историзма и мифологизма. Грань между искусством и жизнью была стерта: жизнь, созданная по законам эстетики, превращалась в фактор искусства. “Роман-миф” придал прозе космологичность, без которой нельзя было подняться к необходимым обобщениям, трансформировал обычный историзм, чтобы перейти к метаисторизму, субстанциальности.

В исторических романах и пьесах русских символистов историческое мышление сосуществует с мифологическим, исторические представления принимают разные формы – мифа, легенды, исторического произведения. Русская историко-символистская беллетристика использует традиционные мифы как средство художественной организации материала вполне сознательно; в этих произведениях осуществляется диалектическая связь между историческим и

мифологическим, историческим и символическим, в них воплощен принцип перехода, “перетекания”, а не разрыва и несовместимости, принцип “постоянных трансформаций исторического содержания в символическое и мифологическое” [см.: 9], символично-мифологических трансформаций “исторических матриц”. Художественная природа подобных произведений – не однозначно мифологическая, а синкретическая, двуединая, историософско-мифологическая. По словам Ф. Шеллинга, “историческое есть лишь некоторый род символического”. Подобно тому как не всё, что случается, – исторично, не всякое произведение, посвященное имевшим место в истории событиям, – символично. Иначе говоря, если в собственном смысле историческое в литературе относится к символическому, историческое и есть род символического, то не во всяком произведении исторической литературы эта ее символическая природа художественно проявлена.

Русские символисты полагали, что в художественной реальности существует значительный пласт образов и сюжетных структур, перекликающихся со сходными художественными образами мифологического происхождения. Миф, по мнению авторов символистской художественной прозы, присутствует в качестве особого “слоя”, наряду с конкретно-историческим, конкретно-культурным, миф пронизывает весь литературный процесс и на каждой ступени развития литературы играет то более, то менее значительную роль. “Мы оставляем название ‘миф’ за всяким символистским повествованием <...>. Миф <...> является не искусством выхода из истории, а, напротив, напоминанием о том, что является специфически историческим в истории, – об инициативном человеческом действии” [29, 180].

Форма мифологической мысли, культурологически инициированное мифотворчество превращают всю реальность в метафору: “Мифологическая символика <...> если буквально передать ее словами, впадает в невыносимое противоречие со знанием” [27, 130]. Мифологические параллели подвижны и необязательны для читательского восприятия. Русским символистам была органически присуща тяга к диаметральному перевертыванию всех классических мифологических парадигм.

Аутентичное представление о русском символизме едва ли возможно без изучения столь близкого мировоззрению символистов житнетворческого единства искусства и жизни, конструированию текстовой и внетекстовой действительности. Феномен символизма состоял в единстве его литературных, религиозно-философских и оккультных аспектов.

Одна из ведущих черт поэтики русского символизма – мифологизм, мифологическое сознание – восприятие окружающей действительности как мифа, “творимой легенды”. Генетически эта примечательная особенность связана с панэстетизмом символистов, который определял также эстетизацию мифа, приравнивавшегося к совершенному произведению искусства. Панэстетизм символистов детерминирует “признание эстетической природы мирового духа” [19, 78], “эстетизацию гносеологии”, “широчайшую экспансию художественных методов познания в области, традиционно закрепленные за философией, наукой,

публицистичної». «Неомифологізм» – породження мислі Ф. Ніцше о том, що життя – «естетичний феномен», а мистецтво – точно такої ж мислі, як і оточуюча його життя. (Отсюдова сологубовське розуміння мироустроювання як «творимої легенди»). Для авторів символістської історическої прози символізм мистецтва не тільки приближен до «символізму» дійсності, але він ще і виявляє його, виводить на перший план.

Російська історико-символістська беллетристика тіснішим образом зв'язана з традиціями панестетизма, уходящими своїми істочками в спінозіанство. Спінозою увлечався Брюсов, панестетизм явственно присутствує в «Петре і Алексее» Мережковського.

Картина мироустроювання у російських символістів ґрунтувалася на отождествленні дійсності і мирового універсума з текстом-мифом і уподобленні наукового пізнання художественному, точніше самому творчеському процесу. Мистецтво створює новий світ, котрому присуща об'єктивна реальність, «онтологічне буття» [5, 446]. Під дійсністю символісти розумівали реальність во всій її повноті, во всій її безпечності і текучесті. Причесь для символістів речь шла не просто о живої дійсності, а о дійсності художественно організованої. Світ, дійсність, символісти вострімали як «художественний організм», як художественне вироблення, художественний текст.

Російські історико-символістські романи і п'єсьы сочетают релігійно-мифологічеські і історичеські початки, таять підспудний пласт мифологічеської образності, визначаючої структуру сюжету, образів, природи, предметного світу і надаючої художественної реальності смисловою неоднозначністю, «об'ємністю».

Мифологічеське мислення не обременено логічеським аналізом, под вопросом і каузальністю, так як кожесь сходство, смежність, контакт преобразуются в причинну послєдовательність, то єсть причини отбираються достаточньо вольно.

Російські символісти орієнтувалися на філософію Вл. Солов'єва, на її мифологічеські основи, переводя їх в визначений миф-інваріант, вперше всіх своїх «неомифологічеських» текстів. В філософській системі символістів ідеї їх мєтра трансформувалися в картину протівоборства Космоса і Хаоса за Душу світу, своєобразний мифопозетичський конфлікт, через котрий можуть бути істолковані почти все історико-символістські вироблення «неомифологічеського» толка, орієнтовані на солов'євський миф-універсум в плані слєдовання йому или полємики з ним.

Історико-символістська беллетристика – явлення російської літератури, получившесь сознательную установку на цитату, чужої текст, позетичський і документальний, миф на уровні созвучий (зв'язь між філософськими ідеями і літературними мотивами), вплив (більше тонкий процес, чесь пряме вплив і ученичество), генетико-типологічеських сходжень (зв'язь, востінаючі на основі схожих культурно-історичеських ситуацій і общего

происхождения идей и литературных мотивов). Причем происходило это демонстративно и обязательно: “Всё можно взять, если умеешь сделать своим, присвоить” [7, 31]. Использование как традиционных мифов, так и ранее созданных другими писателями литературных образов, а также исторических тем и сюжетов, – префигурация, – характерно для “неомифологических” текстов.

Знаки культуры размещались в историко-символистской беллетристике как ориентиры, очевидные и скрытые, – в последнем случае с заложенным в них требованием розыска ключа для расшифровки. Творчество символистов изобиловало огромным количеством заимствованных мотивов, прямых сюжетных коллизий и художественных образов, пришедших из сочинений других авторов. Каждый раз это было той опорой, тем фундаментом, на котором воздвигалась собственная концепция. Символисты жили одновременно в двух мирах: естественном, реальном и вымышленном, созданном до них “литературном”: “Классические тексты как бы договаривают и за автора, и за его героев то, что остается в романе без эксплицитного объяснения. Нередко, впрочем, реминисценции не только не упрощают задачи восприятия, но значительно усложняют ее. Можно сказать, что они договаривают на усложненном языке классики, включенной в инородный контекст, заложенные в нем скрытые символистские смыслы” [13, 113].

Необходимо помнить, что ссылки на кого-то, переключки с кем-то через цитирование чужих текстов и по существу, а не только по приёму, в корне отличны от пересказа чьих-то сочинений или отдельных их мест. По замечанию Н.А. Богомолова, “символизм ощущается не как нечто изолированное и отделенное от предшественников и последователей, а как соединение сугубого ‘новаторства’, прежде всего в области деклараций, с глубокой традиционностью” [5, 11].

Историко-символистская беллетристика может рассматриваться как текст, причем текст сложно устроенный, распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующий сложные переплетения текстов. Представление о тексте как о единообразно организованном смысловом пространстве в символистском романе дополняется ссылкой на вторжение разнообразных “случайных” элементов из других текстов.

Парадигматика поэтического мира символизма рассматривается известным австрийским исследователем русского модернизма как “представление о тотальном символистском гипертексте, объемлющем все отдельные тексты, или, наоборот, этими отдельными текстами в каком-то смысле ‘развертываемом’ и конкретизируемом. Подобное представление всего символизма в качестве единого ‘Текста’ (пускай и комплексного) или ‘Интертекста’ <...> некоторые ученые (например, И.П. Смирнов) <...> выводят существование некоего символистского ‘Пра-Текста’. Такое предположение вполне соответствует символистскому самопониманию, оно также представляет собой весьма интересную аналогию тезису о том, что каждый отдельный мифологический текст является ‘развертыванием’ единого и единственного ‘пра-мифа” [25, 11].

Русским историко-символистским романам и пьесам свойственна интертекстуальность, представляющая “каждый отдельный литературный текст отражением неуследимого множества других литературных текстов, вступающих с его создателем, автором, в неподозреваемое этим последним соавторство” [6, 96].

Символизм был ориентирован на “вторую действительность”, которая как “модель моделей” включается в символистские тексты (“тексты о текстах”). Символистская “мифотворческая эстетика” базировалась на обстоятельных мифологических и исторических штудиях.

Творец “неомифологических” текстов создает воображаемый мир не по законам жизнеподобия, а в соответствии с им самим разработанной концепцией, которая является для него не только воплощением эстетической истины, но и истины вообще.

По мысли символистов, художественный мир полон глобальных соответствий, параллелей и взаимоотношений. Всё одновременно и “первично” и “вторично”, всё постоянно меняется местами как причина и следствие. Мироздание едино, един божественный Универсум, “всеединство” (в терминологии Вл. Соловьева), “Универсум без границ” – зеркало, которое, в свою очередь, успело уже отразиться во множестве других зеркал, где всё – только отражение других отражений. Это мир, где всё смотрится друг в друга, как бы силится рассмотреть себя в другом. А. Ханзен-Лёве называет эту особенность русского символизма “пристрастием мифопоэтического символизма к подмене или ротации субъекта и объекта, наблюдателя и наблюдаемого, своего и чужого” [25, 7].

Поэтика “романа-мифа” подразумевает обращение к архетипически истолкованной психологии и всеобщей истории, мифологическую нерасчлененность и множественность, начала иронии и пародии травестийного толка. Она предполагает метампсихоз (анамнезис) для обращения к всеобщим архетипам и нарративному структурированию, особую систему взглядов, тотально заменяемых общественных ролей (масок), свидетельствующих о “перетекаемости” героев. Поэтика “романа-мифа” возникла как оппозиция реалистическому роману XX века. Она начиналась с символистского конструирования материала и постепенно перешла к мифотворчеству, конструированию повествования. По мнению А.Л. Григорьева, “русские символисты подхватили у Бодлера теорию ‘соответствий’ – скрытых поэтически постигаемых аналогий между душевными и природными явлениями, между реальным миром и миром собственного ‘я’ поэта <...>. Тема ‘соответствий’ развита в стихах Сологуба (‘Есть соответствия во всем...’, 1898)” [10, 438].

Идея возврата у символистов тесно связана с мифом, “поэтикой мифологизирования” [16, 63]. Так, для Вяч. Иванова миф это припоминание; то, что происходит в обыденной жизни и так или иначе обусловлено вневременными рамками, это лишь отсвет, брошенный тем, что совершается в надмирном пространстве.

Любое действие в произведении символистов, даже простейшее, любой персонаж, даже случайный, любая проблема – политическая, религиозная, философская – имеет отклик в мифе либо во всей толще реальной истории. “Миф вырывает человека из его времени, реализует доступ к большому времени” [28, 75], – так М. Элиаде писал о более широких возможностях символистского исторического романа с его универсализмом и трансцендентализмом.

Мифопоэтическая модель мира предполагает выявление основных параметров вселенной: пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических – при помощи системы мифологем, находящихся в бинарных оппозициях, в двух плоскостях, в которых развивается действие. Мифологемы в системе мифопоэтического мышления сохраняют значение древнего архетипа и выполняют функцию “знаков-заместителей” целостных ситуаций и сюжетов.

Историко-символистская беллетристика, соединяя противоположные полюсы символистского мифомышления, воплотила идеалы искусства, проникающего во внутреннюю реальность вещей, вскрывающего скрытый антиномизм жизни, пересоздающего действительность. Герои ее – часть единого мирового целого, воплощение космического сознания. Отдельная и национальная судьба поверяется здесь всемирным, макрокосмическим масштабом.

В “неомифологических” текстах иногда наблюдается недоосуществленность “триады” Вл. Соловьева, когда “синтез” относится в будущее, находящееся за пределами повествования. Это открывает возможность символистской “полифонии”, а неслиянность отдельных линий символистского произведения может быть заменена таким весьма важным элементом “неомифологического” текста как ирония. История создала всего два основных антропологических типа, всего две близких коллизии борьбы и противоположности, автор же тщетно взыскует “синтеза”, который возможен лишь в будущем. Ирония, сложность и разветвленность воззрений на многоголосый мир – один из признаков “романа-мифа”.

Таким образом, рассмотрение “мифопоэтических” основ русской историко-символистской беллетристики приводит к следующим выводам: 1) историко-символистская беллетристика Д. Мережковского, В. Брюсова, Андрея Белого не только широко использует древние мифы, но и предпринимает попытки сознательного ориентирования на их структуру и содержание; 2) исторические романы и пьесы русских символистов не являются мифами как таковыми ни по типу авторства, ни по типу сообщения и характеру восприятия читателями, ни по своей функции.

Литература

1. Белый А. Арабески : книга статей / А. Белый. – М. : Мусагет, 1911. – 504 с.
2. Белый А. На рубеже двух столетий / А. Белый. – М. : Художественная литература, 1989. – 543 с.
3. Белый А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития / А. Белый // Белый А. Символизм как миропонимание. – М. : Республика, 1994. – С. 418–496.
4. Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – Л. : Гослитиздат, 1960–1963. – Т. 1–8.
5. Богомолов Н. От Блока к истории символизма / Н. Богомолов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – С. 7–14.

6. Бочаров С. Литературная теория Константина Леонтьева / С. Бочаров // Вопросы литературы. – 1999. – № 2, 3.
7. Городецкий С. Письмо А. Блоку 14 мая 1911 года / С. Городецкий // Литературное наследство. – М. : Наука, 1981. – Т. 94. – Кн. 2. – С. 53–54.
8. Грабович Г. Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка / Г. Грабович. – Київ : Критика, 1998. – 208 с.
9. Григорьев А. Л. Русский модернизм в зарубежном литературоведении / А. Л. Григорьев // Русская литература. – 1968. – № 3. – С. 199–215.
10. Григорьев А., Гречишкин С. С. Символизм / А. Григорьев, С. С. Гречишкин // История русской литературы : в 4 т. – Л. : Наука, 1983. – Т. 4. – С. 419–479.
11. Иванов Вяч. И. Борозды и межи : опыты эстетические и критические / Вяч. И. Иванов. – М. : Мусагет, 1916. – 359 с.
12. Иванов Вяч. И. По звездам : статьи и афоризмы / Вяч. И. Иванов. – СПб : Оры, 1909. – 447 с.
13. Ильев С. П. Русский символистский роман : аспекты поэтики / С. П. Ильев. – Киев : Лыбидь, 1991. – 172 с.
14. Лосев А. Ф. Античная философия истории / А. Ф. Лосев. – М. : Наука, 1977. – 207 с.
15. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М. : Политиздат, 1991. – С. 21–187.
16. Лотман Ю. М., Минц З. Г., Мелетинский Е. М. Литература и мифология / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1981. – Вып. 546. – С. 35–55.
17. Максимов Д. Е. О романе-поэме Андрея Белого “Петербург” : к вопросу о катарсисе / Д. Е. Максимов // Максимов Д. Е. Русские поэты начала века : очерки. – Л. : Художественная литература, 1986. – С. 240–349.
18. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2000. – 407 с.
19. Минц З. Г. О некоторых “неомифологических” текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – С. 59–97.
20. Минц З. Г. О трилогии Д. С. Мережковского “Христос и Антихрист” / З. Г. Минц // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – С. 225–242.
21. Петрова Г. В. Проза русского символизма : учебное пособие / Г. В. Петрова. – Великий Новгород, 2003. – 96 с.
22. Соловьев Вл. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Изд. 2-е. / Вл. С. Соловьев. – Пб. : Просвещение, 1911–1914. – Т. 1–10.
23. Соловьев Вл. С. Первый шаг к положительной эстетике / Вл. С. Соловьев // История эстетики. – М., 1969. – Т. 4, 1-й полутом. – С. 540–578.
24. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. – М. : Просвещение : Культура, 1995. – 624 с.
25. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве. – СПб : Академический проект, 2003. – 816 с.
26. Элиаде М. Космос и история ; пер. с франц. и англ. / М. Элиаде. – М. : Прогресс, 1987. – 311 с.
27. Юнг К. Г. Настоящее и будущее / К. Г. Юнг // Аналитическая психология : прошлое и настоящее. – М. : Мартис, 1995. – С. 116–167.
28. Eliade M. Images and symbols / M. Eliade. – Paris, 1979. – 204 p.
29. Garodi R. Marxisme du XX siècle / R. Garodi. – Paris ; Genève : La Palatine, 1966. – 344 p.

30. Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy / W. K. C. Guthrie. – Cambridge, 1978. – V. 6. – 408 p.

Аннотация

Данная статья – попытка выявить “мифоцентристские” особенности русских символистских исторических романов и пьес. Цель статьи – очертить комплекс проблем этих жанровых образований, связанных с соотношением мифов (или их заменителей) и литературной основы. Мифотворчество русских символистов – не столько интеллектуальная игра писателей, сколько “вышивание” по канве традиционных мифологических сюжетов, иногда создание нового мифа. Новизна исследования заключается в подходе к русской символистской исторической беллетристике романистике как к “новой мифологии”, “современным мифам”.

Ключевые слова: русский символизм, историко-символистская беллетристика, “мифоцентризм”.

Анотація

Дана стаття – спроба виявити “міфоцентристські” особливості російських символістських історичних романів і п'єс. Мета статті – окреслити комплекс проблем цих жанрових утворень, які пов'язані із співвідношенням міфів (або їх заміників) та літературної основи. Міфотворчість російських символістів – не стільки інтелектуальна гра письменників, скільки “вишивання” по канві традиційних мифологічних сюжетів. Новизна дослідження міститься у підході до російської символістської історичної белетристики як до “нової мифології”, “сучасних міфів”.

Ключові слова: російський символизм, історико-символістська белетристика, “міфоцентризм”.

Summary

This article is an attempt to discover the “mythocentral” peculiarities of Russian Symbolist historical novels and plays. The goal of the article is to define the complex of those genre's problems, connected with the myths' (or their substitutes') correlation with the literary basis. The myth-creation of the Russian Symbolists is not only an intellectual game of the writers, but also “embroidery” on the basis of traditional mythological subjects. The novelty of the investigation consists in the approach to the Russian Symbolist historical novels as to some “new mythology”, “contemporary myths”.

Keywords: Russian Symbolism, Symbolist historical novels, “mythocentrism”.

УДК 371.671:821.161.2

Шевченко-Савчинська Л.Г.,

докторант,

ДВНЗ “Переяслав-Хмельницький державний педагогічний
університет імені Григорія Сковороди”

ЧОМУ СЛІД ПРИПИНИТИ ПРОСКРИБУВАННЯ ЛАТИНОМОВНОЇ СТОРІНКИ В УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

Віддавна література слугує невичерпним джерелом естетичних, морально-етичних, філософських понять, втілених в художніх образах, які, увиразнюючи ці поняття, впливають на розум і почуття читачів, а якщо йдеться про молодих людей, то з легкістю перетворюються на їхні переконання. Як свідчить досвід багатьох суспільств, передусім, тоталітарних, не лише окремі ідеї, а й складний ідеологічний